

Этой же целью (объединение с Западом) руководствовался Сфрандзи, советуя императору Константину XI поставить патриархом кардинала Исидора Русского, присланного папой Николаем V для вторичного заключения унии. Константин XI считал невозможным назначить патриархом латинофила Исидора (хотя это и сулило политические выгоды) по той причине, что может возникнуть раздор между ним и его противниками, а в такое время, когда Византия втянута в войну с турками, борьба внутри Константинополя принесет великое зло³⁴. Поэтому император отверг предложение Сфрандзи, но готовность историка пойти на подобный шаг говорит сама за себя.

Мы подчеркиваем, что, несмотря на заверения в своей ортодоксальности, Сфрандзи нигде не выступает против унии церковей как таковой. Конфессиональная сторона этого акта не интересует историка. Если Флорентийская уния им и берется под сомнение, то имеется в виду при этом исключительно политический результат ее³⁵. Когда же интересы государства потребовали добиться помощи от Запада ценой унии, историк считал возможным посоветовать императору пойти на нее.

Таким образом, в результате анализа отношения двух византийских историков к унии с Римом мы приходим к выводу, что у них гораздо больше точек соприкосновения, чем различий. Как Дука, так и Сфрандзи рассматривали унию в качестве средства получения поддержки Запада, совершенно не выражая своих взглядов на конфессиональное содержание унии. Хотя Дука гораздо откровеннее Сфрандзи в своих симпатиях и антипатиях, он все же не меньше последнего ортодоксален и патриотичен. В той борьбе, которая разыгралась накануне падения Византии, оба историка, очевидно, принадлежали к одной партии, и вряд ли правомерно противопоставлять их друг другу. Составляя свои хроники уже после падения Константинополя, они неизбежно оценивали все затрагивавшиеся ими факты, отталкиваясь от последующих событий. Этот ретроспективный взгляд, по нашему мнению, и обусловил различие их позиций по отношению к церковной унии.

Уния не спасла Византию. С точки зрения Дуки, это произошло потому, что она вызвала раздор в Константинополе и ослабила силы защитников города; с точки же зрения Сфрандзи — потому, что Флорентийский собор в данной ситуации оказался политической ошибкой, ибо именно он явился причиной турецкой агрессии. Исходя из неблагоприятных результатов попытки заключить унию во Флоренции, Сфрандзи склонен не одобрять ее (повторяем, что это относится только к Флорентийской унии и лишь к политической стороне ее), между тем Дука, руководствуясь интересами защиты государства, обрушивает свой гнев на противников унии. И, наконец, оба историка в самый критический для Византии момент сочли необходимым, чтобы империя пошла на унию ради спасения Константинополя, надеясь таким путем получить военную поддержку от Запада.

Мы согласны с Э. Франчесом, считающим антиуниатскую позицию в то время вряд ли оправданной, поскольку в обстановке 1453 г. доводы политической целесообразности не позволяли игнорировать малейшую перспективу помощи³⁶. Характерно, что именно те круги византийской знати, которые выступали против унии, впоследствии нашли общий язык с завоевателями (Нотара, Схоларий). Дука много пишет о поведении во

³⁴ Ibid., p. 1062 C, D.

³⁵ C. J. G. Turner. Pages from Late Byzantine Philosophy of History. — ВЗ, 1964, II, p. 353—354.

³⁶ Э. Франчесо. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. — ВВ, XV, 1959, стр. 82—83.